

ея пасмурными днями и ненастьемъ. Но погода держалась пока ясная, ведренная и, пользуясь ею, въ поляхъ кипѣла труженическая жизнь. Крестьяне усиленно и спѣшно молотили хлѣбъ, продолжая работать во всю ночь при свѣтѣ зажженныхъ костровъ. Длинные языки красноватаго пламени, пробиваясь сквозь черный дымъ, освѣщали окрестность на далекое пространство; высоко стояло зарево, то ослабѣвая, то разгораясь сильнѣе; серебристый свѣтъ луны принималъ особенную окраску и словно переливался въ разноцвѣтные огни; звѣзды тускнѣли.

Въ праздничный день въ степи можно было увидѣть охоту на стрепета, или на дудака (дрофа). Охота совершалась такимъ образомъ. Простой рыдванъ подвигается по цѣлинѣ медленно шагъ-за-шагомъ. На днѣ его, за рѣшетчатыми боками, помѣщается мальчикъ-возница и легонько, чуть-чуть, пошевеливаетъ возжами, направляя старую и смирную лошадь. Рядомъ съ мальчикомъ сидитъ взрослый крестьянинъ. Послѣдній — заправскій охотникъ. Въ рукахъ у него тульская „стволина“ необычайной длины и толщины, — прочная ствольина, и называетъ онъ ее непременно турецкой. По мнѣнію крестьянъ, лучше и совершеннѣе турецкаго ружья не существуетъ и вотъ, приобрѣтя такую ствольину гдѣ-нибудь „по счастливому случаю“, онъ оправляетъ ее въ ложе и очень гордится такимъ самопаломъ. У меня была довольно порядочная двустволка, но крестьяне не придавали ей никакой цѣны — не увѣсиста и не бухаетъ такъ, какъ ствольина. Заряжаетъ крестьянинъ свой самопалъ тоже особеннымъ способомъ, всыпая порохъ въ ружье „мѣроглазно“, съ ладони. Замѣтивъ дичь, охотникъ начинаетъ объѣзжать вокругъ нея, уменьшая постепенно круги. Птица, не подозрѣвая опасности, понемногу скучивается и подпускаетъ стрѣлку на довольно близкое разстояніе. Тогда охотникъ спускается на землю и, подъ прикрытіемъ рыдвана, ползетъ, выбирая удобнѣйшій моментъ для прицѣла; проходитъ нѣсколько секундъ, и, наконецъ, раздается оглушительный выстрѣлъ. Въ первое мгновеніе за тучей бѣлаго дыма ничего не видно, но дымъ разсѣвается и охотникъ, быстро вскочившій на ноги, видитъ, что на мѣстѣ лежитъ нѣсколько окровавленныхъ стрепетовъ; одни изъ нихъ убиты на-повалъ, другіе еще бьются въ предсмертныхъ судорогахъ. Послѣднихъ стрѣлокъ прикалываетъ выдернутымъ изъ крыла перышкомъ, втыкая его въ затылокъ птицы, отчего она тутъ же умираетъ.

При удачѣ, терпѣливый и опытный охотникъ набиваетъ въ день паръ 15—20; могъ бы набить и больше, еслибы не расходовалъ такъ много времени на „сгонъ“ птицы и на ползанье, а